

Глава 1

Лондон, май 1817 г.

Изогнувшись, леди Тея Дебенхейм освободилась от пышного зеленого платья и нетерпеливо потребовала:

— Принеси другое, Харриет, и поторопись! А это приведи в порядок.

— Но это же свекла, миледи! — едва ли не простонала горничная и осторожно, словно ребенка, приняла платье, все в бордовых пятнах.

— Да, знаю, но уверена, что ты сумеешь сотворить с ним чудо. Подай другое, пожалуйста.

— Какое именно?

— Мне все равно!

Конечно, это было совсем не так. Тея повернулась и оглядела себя в трюмо. Нижнее белье у нее всегда соответствовало по цвету платью, поэтому сейчас оно все — от оборок на корсете до нижней юбки — было зеленым.

— Найди что-нибудь подходящее по цвету ко всему этому.

— Но, миледи, ничего такого нет...

Тея покусала костяшки пальцев, увидела, что на ней все еще шелковые зеленые перчатки, и тут же их стянула.

— Тогда любое, но лучше из тех, что я еще не надевала. Харриет исчезла за дверью гардеробной.

Тея опустила взгляд, увидела зеленые бальные туфли и крикнула вслед горничной:

— И найди туфли в тон!

Атласные туфли сидели как вторая кожа, и надо было нагнуться, но это ей не удалось из-за жесткой планшетки в вечернем корсете. Это приспособление вообще не позволяло согнуться в талии. Проклятая планшетка и проклятый Афхейм! Перед этим важнейшим вечером она чувствовала себя закованной в латы, но того требовал самый изысканный туалет из ее гардероба.

В соответствии с последней модой вырез у платья был чрезвычайно низкий, что и стало причиной настоящей катастрофы. Маркиз Афхейм так увлекся созерцанием ее бюста, что не заметил, как наклонил свою тарелку и опрокинул маринованную свеклу ей на платье, откуда та благополучно скатилась на пол, заляпав все на своем пути.

Две дамы завизжали, и Тея едва удержалась, чтобы не составить им компанию. Платье было безнадежно испорчено, а ведь она надела его в первый раз!

И надо же такому случиться именно сегодня! Тея принялась мерить раздраженными шагами комнату, так что нижняя юбка шуршала им в такт.

Чтобы устроить бал, видимым поводом для матери было отметить помолвку брата Теи лорда Дариуса Дебенхейма с леди Марой Сент-Брайд. За праздничной мишурой скрывалась более важная цель: решить проблемы, возникшие у Дари.

Как он настрадался! В битве при Ватерлоо был тяжело ранен и даже попал в списки погибших, и вся семья целый год — долгий, полный ужаса год, — оплакивала его смерть. Оказалось, он выжил, но женщина, которая выхаживала его, давала ему слишком большие дозы опиума в течение длительного времени, так что в Англию он вернулся исхудавший, больной и наркотически зависимый.

Общими усилиями они смогли поставить его на ноги, и теперь Дари нашел свою любовь. Постепенно ему удалось снизить ежедневную дозу опиума до минимума. И вот теперь это! Судьба словно не могла смириться с тем, что он

обрел счастье, по Лондону поползли слухи, что Дари вовсе не герой Ватерлоо, а дезертир, раненный при попытке сбежать с поля битвы.

Это была, разумеется, ложь! Все, кто знал Дари, это понимали, но никто не попытался публично опровергнуть гулявшие по городу сплетни.

Сам он почти ничего не помнил: ни самого момента ранения, ни того, что происходило потом. Страх, что эти сплетни могут оказаться правдой, вновь погрузил его во тьму.

Им требовались свидетели. В конце концов, это ведь было сражение, в котором участвовало множество людей, но складывалось впечатление, что поле битвы было затянуто дымом, сражение распадалось на отдельные фрагменты, и каждый воин был сам за себя.

Пришлось всем Девенхеймам сплотиться, выступить единым фронтом и воспользоваться любой возможностью, которую обеспечивало их безмерное влияние. Этот спешно устроенный бал стал вызовом, который они бросили в лицо высшему обществу: мол, приезжайте к нам и продемонстрируйте, что вы не верите в этот бред, или оставайтесь в стороне, но тогда вы нам больше не друзья.

Конечно, приехали все, кто хоть что-то значил. Герцог и герцогиня Йовил обладали большим влиянием, помимо того, что пользовались всеобщей любовью и уважением. Приехали все, однако Тея ощущала, а иногда до нее доносились вопросы, которые невозможно было спрятать за улыбками.

Могла ли эта история быть правдой? В конце концов, лорд Дариус был не профессиональным военным, а джентльменом, добровольцем. Возможно, жуткая бойня действительно оказалась для него слишком сильным испытанием... Может, поэтому он так долго не возвращался домой и причинил их бедной матери столько горя...

Может, по этой причине он все еще употребляет опий? Из чувства вины?

Тея смеялась, танцевала и флиртвала с молодыми джентльменами, чтобы показать всему миру: семья Дари не испытывает никаких сомнений на его счет, но несчастье, казалось, реяло в воздухе. И вот теперь она здесь, на другой половине дома, стоит в одном нижнем белье.

— Харриет!

— Иду, миледи!

Горничная торопливо вышла из гардеробной с темно-красным атласом, свисавшим с рук, соответствующего цвета корсетом и туфлями.

— О! — воскликнула Тея. — Это!

Приехав в Лондон к открытию нынешнего сезона, она узнала, что ее прозвали Великой Недотрогой за якобы холодность, отстраненность и надменность. Но это так несправедливо! Разве стоило удивляться, что она не бросилась очертя голову в светские развлечения в свой первый сезон 1815 года, когда вернувшийся Наполеон снова стал истязать Европу, а Дари отправился на войну?

А прошлый год?.. Тогда случилось несчастье. Они продолжали считать брата погибшим, и участвовала она в сезоне лишь для того, чтобы хоть немного отвлечь мать от переживаний. Разве удивительно, что ей не удавалось быть веселой и легкомысленной? Что отвалила всех уха-жеров?

Тею так уязвило данное ей прозвище, что она заказала несколько смелых туалетов. Зеленое платье было то, что надо, а вот красное — немного чересчур: она никогда не одевалась столь экстравагантно, — но сегодняшний вечер особенный, поэтому оно подойдет как нельзя лучше.

— Прекрасно! — Тея отбросила корсет на кровать. — Поменять его нет времени.

— Но у вас нижнее белье зеленое, миледи.

— Ничего, оно же под платьем. Поторопись.

Пробормотав что-то себе под нос, Харриет подняла платье над головой госпожи, та просунула руки в короткие рукава, и ткань стекла по ней как вода. Или кровь...

Господи! Она всмотрелась в свое отражение. Платье было сшито по последней моде: с завышенной талией — и облегалo фигуру как вторая кожа. В зеркале она увидела, как глаза Харриет полезли на лоб.

— Немного чересчур, миледи, правда?

Горничной Теи было за тридцать, она работала у Дебенхеймов уже два года, но старалась воздерживаться от комментариев, так что это замечание было весьма показательно.

— Господи! — повторила Тея вслух.

— Могу принести другое, миледи...

— Нет времени. — Когда со шнуровкой было покончено, Тея опустилаcь на скамью. — Теперь туфли.

Харриет быстро сняла с нее зеленые, надела красные атласные бальные туфельки и затянула на них ленточки.

А Тея разглядывала себя в зеркале и отмечала несуразности. Ее жемчуга плохо сочетались с красным платьем, но других драгоценностей не было — они оставались запертыми в сейфе отца. Лента с белыми розами в волосах тоже не годится, и Тея принялась откалывать ее. Харриет быстро взяла дело в свои руки, и Тея, усевшись за туалетный столик, сказала:

— Придумай, что можно сделать с волосами.

Когда горничная уложила ее каштановые локоны, Тея еще раз осмотрела свое отражение. В красном платье ее молочно-белая грудь казалась еще полнее: высоко приподнятые корсетом, упругие полушария были выставлены на всеобщее обозрение. Может, переодеться во что-нибудь другое?.. Но Харриет уже прикрепила к волосам розовые бутоны с лентами.

И тут часы на каминной полке пробили одиннадцать раз. Одиннадцать! Тея поднялась, схватила веер, украшенный перламутром — также немислимый с красным платьем, но хотя бы совместимый с жемчугами, — и направилась к двери.

— Миледи! — в ужасе воскликнула горничная, заставив Тею резко обернуться.

— Что такое?

Харриет указывала на нее пальцем, и девушка, обратившись к трюмо, увидела узкую полоску зеленых кружев, незойливо выглядывавшую из-под низкого выреза красного платья.

— Надо поменять корсет, миледи.

— На это уйдет вечность. — Тея подтянула платье вверх, засунув корсет поглубже, покрутилась из стороны в сторону, чтобы все легло на свои места. — Сойдет и так.

— Миледи...

— Прекрати причитать, Харриет. Лучше займись зеленым платьем.

Глава 2

Девушка торопливо вышла в слабо освещенный коридор и направилась в сторону бального зала, а повернув за угол, краем глаза увидела себя в зеркале с позолоченной рамой, которое освещал канделябр на стене. Полудюймовая зеленая полоска опять вылезла наружу.

Ну что ты будешь делать!

Положив веер на маленький столик перед зеркалом, Тея привела все в порядок. Боже, какое низкое декольте! Слишком откровенное! Еще чуть-чуть, и можно было увидеть даже круги вокруг сосков. Почему мода порой такая странная? Общество проповедует благопристойность и соблюдение приличий, но ожидает при этом, что леди будут одеваться в подобные наряды.

Она положила ладони на груди и подвигала плечами. Вроде бы теперь все в порядке, ничего никуда не сдвинется...

Что-то вдруг встревожило ее. Она обернулась и застыла от ужаса. Из глубины полутемного коридора за ней наблюдал мужчина: темноволосый, похожий на иностранца. Из-под тяжелых век он рассматривал ее с каким-то порочным удовольствием.

Тея вспыхнула, схватила веер, раскрыла и прикрылась как щитом.

— Кто вы, сэр? И что делаете на этой половине дома?

Если бы он ответил ей, это стало бы просто неловкой ситуацией, но он молчал.

А она не знала его.

Тея знала всех, у кого были резоны оказаться этим вечером в особняке Йовилов, и она ни в коем случае не забыла бы этого мужчину даже после самого краткого представления.

Он не отличался ни ростом, ни массивностью, однако его присутствие наполняло коридор атмосферой силы и воли. Ей даже показалось, что воздух стал разреженным. Свет канделябра сбоку от нее не достигал его, а следующий светился у него за спиной, так что она не могла определенно сказать, каковы черты его лица. Темный вечерний костюм свидетельствовал о богатстве, как и сверкавшая драгоценная булавка в галстук, но он наверняка не джентльмен, если позволяет себе смотреть на даму вот так, как сейчас.

Так кто же этот мужчина, который вторгся на хозяйскую половину дома, заставив ее сердце бешено колотиться?

— Сэр? — настойчиво повторила Тея.

— Мадам? — заговорил наконец мужчина удивительно мягким голосом, хотя и с насмешливой интонацией.

Неужели иностранец? Ну конечно! Это, должно быть, кто-то из новых дипломатов какого-нибудь посольства, которые порой почти не говорили по-английски и обладали странными манерами. Один персидский дипломат, например, то и дело приглашал дам присоединиться к его гарему.

— Вы заблудились, сэр? — спросила Тея, стараясь четко проговаривать слова. — Здесь личные покои хозяев.

Незнакомец вместо ответа шагнул к ней, и Тея резко отступила назад. У нее вдруг возникло желание громко крикнуть, но это было бы странно здесь, в родительском доме.

— Сэр... — снова заговорила она. Затем выбросила вперед руку в перчатке. — Стойте на месте!

К ее удивлению, мужчина подчинился. Паника отступила, однако теперь возникло другое затруднение. Ей страшно не хотелось стать причиной дипломатического скандала, но все ее инстинкты вопили в один голос: «Опасность!»

Тея махнула рукой в сторону коридора.

— Может, проводить вас в бальный зал, сэр?

— Благодарю, но я смогу найти дорогу и без вашей помощи.

Она так и замерла с вытянутой рукой.

У него был прекрасный английский.

— Тогда оставляю вас.

Тея хотела было продолжить путь, но мужчина заступил ей дорогу.

Она резко остановилась в фюте от него, во рту пересохло. Невозможно, чтобы здесь ей что-то угрожало: ведь в доме полно народу, можно кликнуть слуг.

Поразмыслив, она поняла, что ни до кого не смогла бы докричаться: все ее родственники заняты гостями, как и большинство слуг, Харриет наверняка уже в прачечной: трудится над испорченным платьем. Ей вдруг стало понятно, что она оказалась одна в едва освещенном коридоре, в мертвой тишине, в компании совершенно незнакомого человека.

Всю накопленную за восемь столетий аристократическую властность Тея вложила в одно слово, произнесенное с ледяной интонацией:

— Сэр?

Мужчина склонил голову.

— Мадам, к вашим услугам. В полной зависимости от того, конечно, в чем состоит ваше желание.

Незнакомец слегка протянул это слово, «желание», а ей вспомнилось, как он разглядывал ее.

— Единственное, что мне сейчас нужно, это чтобы вы пропустили меня.

— Я же сказал, от чего это зависит.

— Вы хам и невежа, сэ. Прочь с дороги!

— Нет.

Она пристально посмотрела на него, собираясь проложить себе дорогу силой, но от него исходила такая мощь, что он справится с ней одной рукой.

— Что же, тогда придется найти обходной путь.

Тея развернулась и сделала несколько шагов, но незнакомец схватил ее сзади за платье. Она застыла на месте, от гнева перехватило горло, и поэтому проговорила хрипло и едва слышно:

— Вы что себе позволяете? Да вы знаете, кто я такая?

— Леди Теодосия Дебенхейм, полагаю.

Он ее знает?

— Это какая-то неуместная шутка? — возмущенно осведомилась Тея.

— Нет.

— Тогда как это понимать?

— Мне нужно поговорить с вами.

Она пару раз глубоко вздохнула, пытаясь вернуть самообладание.

— Отойдите от меня.

Удивительно, но мужчина подчинился. Ей страшно хотелось броситься наутек, но он легко мог тут же схватить ее, поэтому она решила держаться с достоинством и, повернувшись к нему лицом, развернула веер, чтобы, обмахиваясь им, попытаться унять разошедшееся сердце.

При ближайшем рассмотрении она увидела, что лицо у него почти красивое, если не обращать внимания на холдную суровость, но заметила и изъяны: слегка искривленный нос, наверное, после удара в драке, и несколько мелких шрамов.

Этот человек был явно не только знаком с опасностью, но и нес ее в себе, а значит, как при встрече с диким зверем нельзя показывать свой страх.

— Я не знакома с вами, сэ, — заявила Тея. — Откуда же вам известно, кто я?

— Вы очень похожи со своим братом, а с ним мы учились в одной школе.

Страх понемногу отступил.

— Вы один из «балбесов»? — уточнила она.

Кое с кем из друзей Дариуса ей довелось познакомиться: это была группка молодых людей, которые сами называли себя «балбесами», — но вот так себя вести они вряд ли могли.

— Нет, — ответил он коротко, и она опять встревожилась.

— Кто бы вы ни были, ваш возраст не позволяет вести себя как школьник. Позвольте мне наконец пройти.

Мужчина высоко вздернул черные брови.

— А вам приходилось воевать со школьниками?

Тея с треском захлопнула веер.

— Прочь с дороги!

Он не сдвинулся с места.

— Меня хватятся, кто-нибудь непременно придет сюда за мной, и тогда вы получите то, чего заслуживаете.

— Это вряд ли.

Он что, улыбается? Коротко дернулся белый шрам в левом уголке его рта, а другой приподнял правую бровь. Он был по-настоящему опасен, и, несмотря на свое заявление, никакой уверенности она не чувствовала. Пройдет немало времени, прежде чем кто-то наведается в эту часть дома. Кричать тоже не имело смысла — вряд ли кто услышит.

Но страх показывать нельзя!

— Кто вы, сэр? И что вам от меня надо?

— Мое имя Горацио, и мне нужно с вами поговорить.

— Вы и так со мной говорите, хотя я не вижу в этом смысла.

— Зато как вздымается ваша грудь!

Тея взглянула вниз и, мысленно чертыхнувшись, подняла глаза на него.

— Говорите!

— Или замолчать навеки? Как кстати! Я к вам с предложением.

У Теи отвисла челюсть.

— Руки и сердца?

Темные брови опять приподнялись.

— А вы согласитесь?

— Конечно, нет! Все, достаточно. Позвольте же мне пройти, Горацио, или сильно пожалеете.

— Или сильно пожалеет ваш брат.

Эти слова подействовали на Тею как ледяной душ.

— Вы сказали, что были ему другом.

— Любой, кто учился вместе с Дари Дебенхеймом, должен был обожать его, да? Однако ему нужны друзья именно сейчас — покалеченному, разбитому, с опиумной зависимостью.

— Он не...

— И обвиняемому в трусости.

— Это презренная ложь! — Она прищурилась. — Эти сплетни — ваших рук дело? Если да, тогда вы самый жалкий червь из всех, что ползают по земле.

— Вы часто имеете дело с червями?

Тея могла бы ударить его веером, но произведение искусства от этого развалилось бы на куски и не дало никакого эффекта. Тут и молоток бы не помог.

Мужчина поднял руку, давая понять, что готов извиниться.

— Никакого отношения к слухам я не имею, но ситуация такова, что даже бал, который устроила ваша мать для высшего света, не сможет оградить вашего брата от порочащих слухов. Вам нужен заслуживающий доверия свидетель, который опровергнет всю эту историю, либо она будет преследовать Дари всю жизнь.

— Вы думаете, мы этого не понимаем?

— Порой приходится объяснять очевидное.

— И это доставляет вам удовольствие. — Заявление было необдуманно, но, похоже, попало в точку. — Вы желаете зла Дари, но почему?

— В самом деле? Как, наверное, хорошо оказаться на его месте. Единственное удовольствие, которое я могу вы-

нести из создавшейся ситуации, это позволить себе исправить ошибку.

Тея не поверила ни единому его слову.

— Зачем?

— Ради соответствующего вознаграждения.

— А, деньги, — сказала она как выплюнула.

Мужчина криво усмехнулся.

— Леди Теодосия, с презрением к деньгам относятся только те, кто никогда не испытывал в них недостатка.

Это была самая странная встреча в ее жизни, но перед ней забрезжил выход, хотя ей почему-то было неприятно, что этот человек подтвердил низменность своей натуры.

— Итак, сэр, что вы готовы предложить? И за какую цену?

Никаких признаков обиды с его стороны.

— Я объявлю во всеуслышание, что видел, как под вашим братом убило лошадь в самый разгар атаки, а не во время бегства. Другими словами, сплошное благородство.

У нее подпрыгнуло сердце, но Тея постаралась сохранить спокойствие.

— А это правда?

— Это важно?

Станный вопрос, но цели достиг. Для того чтобы избавить Дари от тяжелой ноши, она готова поверить в ложь, если дело только в этом.

— А вам поверят? Это очень важно.

Он кивнул.

— Я участвовал в том сражении.

Военный! Ну конечно! Это не сделало его менее опасным, но по крайней мере все стало понятно. Всю взрослую жизнь ее окружали офицеры разных званий и родов войск, но все отмеченные одной печатью, даже самые легкомысленные и беззаботные. Они словно заглянули в глаза смерти. На этом человеке та печать была особенно заметна, но не делала более заслуживающим доверия, хотя осознание этого и ослабило беспокойство. Он знал, что ее семья очень богата, так что это будет обычная сделка.

— Итак, назовите вашу цену.

— Брак. Выходите за меня, и про вашего брата никто больше не скажет ни одного дурного слова.

Глава 3

Тея рассмеялась.

— Вы это серьезно?

— Неужели вам безразлична судьба брата?

Хоть сама идея и казалась нелепой, она все же ответила:

— Боюсь, такая жертва ляжет тяжким бременем на его плечи — пожертвовать свободой ради него.

— А вы сделайте вид, что обожаете меня, и он никогда ни о чем не узнает.

— Вы преувеличиваете мои актерские способности, — заметила она сухо.

— Неужели я настолько ужасен?

Он что, издевается над ней?

— Вы... Да вы неотесанный мужлан, жалкий грязный лгун и жадная свинья...

Что-то в его лице заставило ее прикусить язык, а он спокойно возразил:

— И вовсе не жалкий.

Тея помолчала и почти мирно спросила:

— А то, что сумасшедший, будете отрицать?

— Могу притвориться нормальным, если постараюсь.

— Тогда начните прямо сейчас.

— Мне казалось, я был предельно откровенен: брак ради доброго имени Дариуса Дебенхейма.

— Моя семья может проявить благодарность другим способом.

Показалось, что он расслабился, даже стал дружелюбным, но все равно смотрел на нее как хищник на свою жертву, которую зажал в когтях.

Тея снова принялась обмахиваться веером и попыталась подстроиться под его манеру держаться.